

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Дорогой читатель, перед тобой одна из главных книг не только традиционного Китая, но и всей Восточной Азии. Это выбранные учениками Конфуция и их преемниками «Отобранные беседы», или же по-китайски – *Лунь Юй*. У нее нет одного автора, но есть главный герой. Мудрец, наследие которого сыграло значительную роль в судьбе огромной части мира. В его честь целый ряд регионов и стран часто называют «конфуцианской цивилизацией». Это и Китай, и Корея, и Япония, и отчасти страны Юго-Восточной Азии, где проживает огромная китайская диаспора.

Всем он известен как Конфуций – имя вошло в язык в латинизированной форме и является искажением от *Кун-фу-цзы* 孔夫子, т.е. «уважаемый учитель Кун». *Фуцзы* – так его между собой почтительно именовали личные ученики, прочим он был известен как Кун-цзы, т.е. «Учитель Кун», или же «Мудрец Кун»¹. Его фигура для мировой истории, философии и культу-

¹ Внимательный читатель новых современных переводов китайской классики, выходящих в издательстве АСТ в серии «Власть: искусство править миром», помнит, что корпус памятников типа -цзы, содержащий мысли авторов, признанных мудрецами, является основной формой сохранения традиционного наследия китайской мысли. Труд того или иного мыслителя, ставший в итоге основой соответствующего письменного памятника, традиционно принято воспринимать как авторский. Будь то сочинения Сунь-цзы [Сунь-цзы, 2016], У-цзы [У-цзы, 2021] или Лао-цзы [Лао-цзы, 2022], вышедшие ранее в данной серии, –

ры столь значима, что затмевает собой его труды и формирует различные «образы Конфуция», часто весьма далекие от исторической действительности.

Есть один такой образ и у нас в современной России: такой забавный дедушка из Интернета, рядом с изображением которого любят размещать всякие остроумные фразочки². Многие наверняка встречали то там, то здесь его «афоризмы». Иногда — настоящие. Но чаще всего — придуманные всевозможными остряками, а иногда и привнесенные в мир неквалифицированными псевдоспециалистами, вроде расхожих фраз: «хочешь накормить человека раз — дай ему рыбу, хочешь накормить на всю жизнь — научи его рыбачить», или «трудно поймать в темной комнате черную кошку, особенно если ее там нет». К ним Конфуций не имеет никакого отношения. Естественно, такой информационный шум не приближает современного читателя к пониманию того, кто же такой этот «китайский мудрец» в реальности и в чем же его великая значимость для Китая и мира.

Реальность меж тем состоит в том, что Конфуциев в китайской культуре — много. Вернее, у каждой исторической

все эти трактаты имеют реального или легендарного создателя, которого можно «вынести на обложку» как «обладателя авторских прав». Так принято в китайской традиции, так ей органично и естественно. И потому Кун-цзы, в строгом смысле автором *Лунь Юя* не являющийся (он там «лишь» главное действующее лицо, основной автор изречений, с которым от лица учеников ведутся беседы), довольно часто таковым потомками мыслился.. Ссылаясь на высказывания Конфуция, другие классические китайские исторические сочинения часто используют формулу «*Кун-цзы сказал*», никак не упоминая при этом *Лунь Юй*, притом что в других разделах этих сочинений *Лунь Юй* упоминается и цитируется, то есть его как текст — знали. Это говорит о том, что в общественном сознании Кун-цзы был и в некоторой степени «текстом типа *-цзы*», а не только автором.

² Далеко не всегда, кстати, это Конфуций. Популярная в Интернете картинка «старца с поднятым пальцем» — это фотография основателя айкидо Морихэя Уэсибы (1883–1969).

эпохи он свой, собственный. Речь, конечно, не о разных людях, а об ипостасях восприятия одной персоналии. Но они порой настолько различны, что вслед за великим китайским историком Гу Цзеганом мы можем коротко описать ситуацию фразой «Каждому — по Конфуцию!»³.

Причем в этой компании далеко не все соотносятся с историческим периодом Чуньцю (VIII–V вв. до н.э.), когда жил и творил Кун-цзы (552–479 гг. до н.э.) — реальное историческое лицо. Большинство из них — плоды последующего развития китайской культуры, политики, религии и мифологии, ведь вокруг наследия реального Кун-цзы в каждой из этих сфер за тысячелетия сформировались свои образы его личности. Это пронизывает всю историю Китая от классической древности до современности.

Так, после его смерти в период Чуньцю ушел из жизни Конфуций-чиновник, служивший в царстве Лу, и Конфуций-изгнанник, прятавшийся в других царствах, Конфуций-учитель, создавший свою школу, Конфуций-редактор, систематизировавший древнюю классику для учебных целей. Также не стало и Конфуция-мыслителя, первого кодификатора традиционной религии — культа предков.

Но уже в последующий период Чжаньго (V–III вв. до н.э.) возник Конфуций-философ как «основатель философии конфуцианства»⁴. Затем, в эпоху Хань (III в. до н.э. — III в. н.э.), возникает Конфуций-легенда. Ханьским историком

³ Гу Цзеган (1893–1980), один из патриархов современной китайской исторической школы, в своей работе «Конфуций периода Чуньцю и Конфуций эпохи Хань» (春秋時的孔子和漢代的孔子) писал: «А какие там только два Конфуция, в каждой эпохе был Конфуций своей эпохи, и внутри каждой из эпох также была масса своих Конфуциев!» (唉，孔子哪里止两个，各时代有各时代的孔子，即在一个时代中也有种种不同的孔子呢).

⁴ В действительности последователи школы Конфуция — книжники-жу — скорее составляли образованный чиновничий слой, чем выступали строгими приверженцами некоего единого философского течения.

Сыма Цянем фиксируются биографии самого Конфуция и его учеников. Тогда же, видимо, возникает главное предание древности о жизни Конфуция — история о его встрече с автором *Дао дэ цзин*, даосским мудрецом Лао-цзы. В действительности, даже если прототип последнего и существовал, то он моложе на доброе столетие. После чего при императоре Пинди (9 г. до н.э. — 6 г. н.э.) в начале I в. н.э. ему присваивается титул *Баочэн Сюань-ни гун* 褒成宣尼公, «почитаемый за заслуги гун Сюань-ни». Дальнейшее его «прозвание» подобного рода, которое стало нарицательным, пришло к нему в период Троецарствия — с III в. н.э. его стали называть «Учитель и образец для всех поколений» — *Ваньши шибяо* 萬世師表.

Следующая ступень — Конфуций-«полубог», или, говоря более точно, дух-покровитель всего Китая. Эта ступень была пройдена через тысячу лет, к XII веку. В средневековой империи Сун (960–1279) философ Чжу Си (1130–1200) способствует включению Конфуция в религиозный пантеон. Конфуций отныне не только евангелист культа предков, он — практически божество, которому поклоняются с соблюдением всех необходимых ритуалов. Местные храмы Конфуция *Вэньмяо* 文廟 были и ранее: там сдавали экзамены, провозглашали списки их лауреатов, устанавливали стелы и пр. Но теперь это обретает общегосударственный размах. Связано это во многом с появлением «неоконфуцианства в редакции Чжу Си» — чжу-сианства.

Наконец, еще почти через тысячу лет, в XX–XXI вв. возникает Конфуций-идея. В поздние годы нахождения Мао Цзэдуна (1893–1976) у власти фигура Конфуция была втянута в политическую борьбу того времени: в 1973–1974 гг. в ходе кампании *пи Линь пи Кун* 批林批孔 «критика Линь [Бяо] и Кун [-цзы]». Кампания была направлена против идей политического противника Мао — покойного маршала Линь Бяо. Конфуций вынужденно попал в опалу, и его фигура отошла в тень. Затем, однако, столь же стремительно на рубеже веков он стал национальной идеей

и культом — институты Конфуция всемирной сетью охватили земной шар, став символом международного влияния Китая и продвижения «китайского дискурса». Сейчас Конфуций наряду с другим символом Китая — пандой, без преувеличения, — общенациональный бренд КНР.

Если за всем этим многовековым величием попытаться разглядеть живого человека и осознать его масштаб, то мы увидим, что настоящий, исторический Конфуций, человек эпохи Чуньцю, тоже был огромной, многогранной личностью. То, какую грань ее осветить, — каждый исследователь выбирает сам.

Настоящий Конфуций для нас в этой книге — это не только значимый исторический деятель того времени, происходивший из обедневшего, но очень знатного рода. Это не только кодификатор культа предков, привнесший в него важнейшие институционализирующие понятия, предопределившие его развитие на тысячелетия. Для нас в настоящем издании главной видится та его ипостась, которую часто называют «Первый учитель Поднебесной». Роль, в которой мы видим Кун-цзы главным героем *Лунь Юя*, — основатель первой массовой школы. Эта школа взрастила множество учеников, ставших известными чиновниками, а иногда даже мудрецами, и с течением времени породила целое течение мысли, в западном мире известное как конфуцианство. Основной угол зрения на беседы с Конфуцием в этой книге — то, **как** учиться и **какие** трудности подстерегают на этом пути и ученика, и учителя.

Для того чтобы лучше понять, как развивался жизненный путь Учителя, каковы были исторические обстоятельства его жизни, а также как развивался и дошел до нас *Лунь Юй*, ниже мы предоставляем дорогому читателю две объемные вступительные статьи: М.Ю. Ульянова — о жизни Конфуция как основателя школы и создателя первого комплекса учебных сочинений; и переводчика памятника В.В. Башкеева — о внутренней архитектонике текста *Лунь Юя*, где по результатам структурного и содержательного анализа

Виктор Башкеев

предпринята попытка разобрать этапы создания дошедшей до нас его версии.

Наконец, по традиции, в завершающем разделе книги читателя ждут «Беседы с мастером», созданные в соавторстве с Александром Скалозубом, грандмастером внутреннего стиля кун-фу Илицюань. В них обсуждаются главы памятника, непосредственно связанные с обучением в традиционной школе у мастера высокого уровня.

Приятного чтения!

Виктор Башкеев
2023

КУНЦЗЫ (552–479 ГГ. ДО Н.Э.): СОЗДАНИЕ «МАССОВОЙ» ШКОЛЫ И РАБОТА НАД КОМПЛЕКСОМ УЧЕБНЫХ ТЕКСТОВ

Конфуций (552–479 гг. до н.э.) – одна из ключевых фигур древней китайской истории¹. Он, пожалуй, первый в ряду выдающихся исторических деятелей, кто стал известен благодаря деяниям в сфере культуры и образования. И эти его деяния повлияли коренным образом на дальнейшее развитие китайской цивилизации. Он – первая персона в китайской историографической традиции, чья жизнь и общественная деятельность описаны сравнительно детально. Подобно другим китайским мыслителям древности, будем называть его Кун-цзы.

За пределами Китая Кун-цзы известен как выдающийся философ, духовный отец китайского народа, Учитель (с большой буквы). Об этом написано множество трудов, поэтому здесь едва ли будет уместно еще раз говорить о нем с этой точки зрения. К тому же такой подход, на наш взгляд, несколько затеняет образ Кун-цзы как человека и как исторической фигуры. Гораздо интереснее рассмотреть его жизнь и деяния на фоне современных ему событий и исторических процессов.

¹ Проблема определения даты рождения Конфуция (28 сентября 551 г. до н.э. или 3 октября 552 г. до н.э.) описана в статье Д.В. Конончука. См.: *Конончук Д.В. О дате рождения Конфуция // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2019. №3. Эта же дата, 552 г. до н.э., принята и в ряде работ современных китайских конфуциановедов. См.: Хэ Синь. Кун-цзы няньпу (Биография Конфуция). Пекин, 2007.*

На наш взгляд, важнейший вклад Кун-цзы в развитие китайской культуры в том, что его усилиями возникла новая для своего времени школа, в которой началась подготовка «служащих» — новой социальной группы, которая появилась во второй половине VI в. до н.э. Об этом и попытаемся подробнее рассказать ниже.

Надо сказать, что под «школой» мы понимаем не здание или образовательное учреждение, которое расположено в нем, а некий культурный институт, существующий для обучения молодого поколения и для передачи ему социального и культурного опыта. Новая школа имела свои характерные черты. В отличие от более ранней «дворцовой» школы, она не была элитарной, аристократической; в отличие от «храмовой», не была изолированной от других слоев общества. Учеба в ней не была прерогативой исключительно одной социальной группы — высшей знати или жречества. Напротив, эта новая школа была доступной для выходцев из различных социальных групп и уроженцев различных царств, поэтому ее можно назвать «массовой».

Под словом «массовая» мы подразумеваем не столько количественный аспект, сколько широту социального охвата и большую ее доступность по сравнению с предыдущими школами. Учениками школы, например, могли быть и представители общинной бедноты из Лу (Янь Ю 顏由 и Янь Хуй 顏回), и аристократ из царства Вэй по имени Дуаньму Цы 端木賜 (520–456 гг. до н.э.).

Такая школа стала одним из ключевых социальных и культурных институтов описываемого времени. Вместе с ней началось формирование новой культурной среды, которую можно назвать «интеллектуальной». Уже в следующий исторический период Чжаньго (453–221 гг. до н.э.) по своей

значимости она стала сопоставима с остальными культурными средами: «храмовой», «дворцовой» и «общинной»².

Возникновение такой школы — это проявление *культурного процесса*. Но поскольку школа была предназначена для обучения представителей «служилых» *ши* 士 (точнее, «людей службы», «тех, кто служит», «служившего сословия»), то ее появление было вызвано *социальным процессом*³. То есть формирование в течение VI в. до н.э. новой социальной группы

² На эти темы нам приходилось писать ранее. См.: Ульянов М.Ю. К характеристике социальных и культурных процессов периода Чуньцю (771–453 гг. до н.э.): от школы «дворцовой» к школе «массовой» // Ломоносовские чтения. Востоковедение. Тезисы докладов научной конференции (Москва, 15 апреля 2019 г.). М., 2019. Ульянов М.Ю. «Дворцовая» школа в царствах Восточной Азии: к характеристике социальных и культурных процессов первой половины периода Чуньцю // 49-я научная конференция «Общество и государство в Китае». Ученые записки Отдела Китая. Выпуск 30. Т. XLIX. Ч. 2. М., 2019. Ульянов М.Ю. Политические и социальные условия возникновения «массовой» школы по подготовке «служилых» в конце периода Чуньцю (втор. пол. VI — перв. пол. V вв. до н.э.) // Ломоносовские чтения. Востоковедение и африканистика. Тезисы докладов научной конференции (Москва, 2020 г.). М., 2020. Ульянов М.Ю. Ключевые вехи становления первой «массовой» школы в царстве Лу в конце периода Чуньцю (втор. пол. VI — перв. пол. V вв. до н.э.) // Ломоносовские чтения. Востоковедение и африканистика. Тезисы докладов научной конференции (Москва, 2020 г.). М., 2020.

³ На этот нюанс перевода названия этой социальной группы обратили внимание А.И. Осмачко, А.Л. Сергеев и Д.В. Конончук. Переводя четвертую главу *Лунь Юя*, они заметили, что «устаревшее русское слово “служилый”, которым обычно переводят понятие *ши* (士), не передает пафоса служения, который связан с этим понятием у Конфуция». Поэтому, по их мнению, таких людей уместно называть «человек службы», или «тот, кто служит». См.: Осмачко А.И., Сергеев А.Л., Конончук Д.В. «[Когда] в общине человечность...»: новый перевод четвертой главы «Лунь Юя» с комментариями Чжу Си // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2018. №3. С. 50.

В китайской историографии этой социальной группе посвящена монография: Юй Инши. Ши юй Чжунго вэньхуа (Служилые *ши* и китайская культура). Шанхай, 2003 (余英时. 士与中国文化. 上海, 2003).

и появление школы нового типа — это важнейшие взаимосвязанные явления описываемого времени.

Эти процессы протекали на фоне политического кризиса, возникшего в силу роста противоречий и усиления борьбы между носителем высшей власти и его родственниками по мужской линии — представителями кланов потомков монархов предыдущих поколений (будем называть их «аристократией»), что является проявлением *политического процесса*.

Таким образом, когда мы говорим о Кун-цзы, его жизни и деятельности, в центре нашего внимания оказываются три важнейших процесса в истории второй половины VI — первой половины V вв. до н.э.: социальный, культурный и политический. Социальный процесс связан с возникновением новой социальной группы; культурный — с возникновением новой школы; политический — с борьбой за высшую власть верхов общества.

Об историографии

Жизни Конфуция и его учению в мировой историографии посвящено необозримое число работ. Это вполне естественно, поскольку он — одна из центральных фигур всей китайской культурной традиции. В научной литературе в основном принято говорить о содержании учения Конфуция и о его вкладе в культуру. Чаще всего он предстает как мудрый учитель и глубокий мыслитель.

На русском языке биография Конфуция наиболее подробно изложена в монографиях Л.С. Переломова и В.В. Малявина⁴. Жизнь Конфуция, его идеи и их место в ки-

⁴ Переломов Л.С. Слово Конфуция. М., 1992. Переломов Л.С. Конфуций: жизнь, учение, судьба. М., 1993. Переломов Л.С. Конфуций. Лунь Юй.

тайской культурной традиции описаны А.А. Масловым⁵. Литературные аспекты его высказываний были рассмотрены И.И. Семененко, ему же принадлежит один из лучших переводов *Лунь Юя* на русский язык⁶.

На русском языке сведения о жизни и деятельности Конфуция и содержании *Лунь Юя*, собрания его высказываний, можно найти в замечательных работах отечественных китаеведов: В.А. Рубина, А.С. Мартынова, В.В. Малявина, Л.С. Васильева, А.И. Кобзева, А.А. Маслова и др. Ему посвящены разделы в общих работах по истории философской мысли Древнего Китая. О нем говорится в разделах «Энциклопедии духовной культуры Китая», написанных А.И. Кобзевым и другими⁷.

Что касается понятия «школа», то в отечественном китаеведении оно упоминается довольно часто, но в ином значении, не как социальный институт, а как направление общественной мысли: конфуцианская, даосская школа и т.п. Это предполагает перечисление названий школ и описание общей направленности их учений⁸.

Исследование, перевод с китайского, комментарии. Факсимильный текст «Лунь Юя» с комментариями Чжу Си. М., 1998. *Малявин В.В.* Конфуций. М., 1992.

⁵ *Конфуций*. Суждения и беседы. Исследование А. Маслова, перевод П. Попова. Ростов-на-Дону, 2006. *Маслов А.А.* Конфуций. Беседы с одиноким мудрецом. М., 2020.

⁶ *Семененко И.И.* Афоризмы Конфуция. М., 1987. *Семененко И.И.* Конфуций. Я верю в древность. М., 1998.

⁷ Общий список работ отечественных авторов указан в библиографии В.П. Журавлевой, см.: *Журавлева В.П.* Библиография Китая. Философия и общественно-политическая мысль. Этика. Эстетика. Военная мысль. Мифология. Религия. 1958–2008. М., 2015. С. 168–180.

⁸ В монографии Ф.С. Быкова этому посвящена глава «К вопросу о древнекитайских философских школах». См.: *Быков Ф.С.* Зарождение общественно-политической и философской мысли в Китае. М., 1966. С. 71–90. См. также: *Васильев Л.С.* Проблемы генезиса китайской мысли. М., 1989.